

УДК 821.133

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-122-129

ВАРИАЦИИ МИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (О. де Бальзак, Ж. де Местр, Ш. Бодлер)

Наталья Владимировна Решетняк**к. филол. н., доцент кафедры романо-германской филологии и перевода****Санкт-Петербургский государственный экономический университет**

191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21. agapital17@mail.ru

SPIN-код: 9713-7746

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7400-6163>

ResearcherID: R-2444-2018

*Статья поступила в редакцию 28.09.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Решетняк Н. В. Вариации мистических идей в литературе XIX века (О. де Бальзак, Ж. де Местр, Ш. Бодлер) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 122–129. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-122-129

Please cite this article in English as:

Reshetnyak N. V. Variatsii misticheskikh idey v literature XIX veka (O. de Bal'zak, Zh. de Mestr, Sh. Bodler) [Variations of Mystical Ideas in 19th-Century Literature (Honoré de Balzac, Joseph de Maistre, Charles Baudelaire)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 122–129. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-122-129 (In Russ.)

Затронут важнейший аспект творчества трех авторов XIX столетия, Жозефа де Местра, Оноре де Бальзака и Шарля Бодлера, объединяемых приверженностью теории соответствий, или «универсальных аналогий», согласно которой каждая земная вещь является символом незримого мира и каждое земное событие соответствует божественным законам. Автор статьи показывает, что без понимания мистической идеи невозможно полное осмысление художественного наследия этих писателей – «ясновидцев» и «пророков», – выстраивающих собственные отношения с мистиками Луи-Клодом де Сен-Мартеном и Эмануэлем Сведенборгом. Отголоски мистических трудов «Небесные тайны» и «Человек желания» можно встретить на страницах бальзаковских романов и повестей, влияние «Неведомого философа» Сен-Мартена ощутимо в «Санкт-Петербургских вечерах» Местра, Бодлер также неоднократно упоминает имя Сведенборга в своих прозаических сочинениях. Автора «Цветов зла» также можно назвать наследником эстетических принципов Жозефа де Местра, поскольку за революционной патетикой Бодлера проглядывает местровская политическая теософия, в основе которой лежит концепция действия высшей божественной воли в земном мире – Провидения. Основные положения провиденциализма де Местра совпадают с философскими тезисами другого последователя теории соответствий – Бальзака – в том, что касается божественного Числа, однако расходятся, когда речь идет о материи. Согласно автору «Мистической книги», невидимый духовный мир и видимый физический мир составляют одну и ту же материю, она может преобразовываться, но не исчезать, тогда как Местр воспринимает материю лишь как знак всеильного духа. При жизни писателям были чужды откровенные признания в пристрастии к мистической философии, однако написанные ими произведения доказывают, насколько глубоки их познания в области мистицизма и как ясно сила воображения позволила им передать посредством метафоры глубинную суть божественной идеи. Каждый из них желал обновления христианской религии и искал возможные пути возвращения к утраченному Единству, отводя поэту, наделенному даром ясновидения, роль толкователя священных знаков.

Ключевые слова: Провидение; теория соответствий; мистицизм; универсальная аналогия; аллегорические знаки; теория Числа; догмат обратимости.

Целью данной работы является исследование вариаций мистических идей трех выдающихся авторов XIX столетия – Оноре де Бальзака (1799–1850), Жозефа де Местра (1753–1821), Шарля Бодлера (1821–1867), – которые легли в основу их творческого наследия. Таким образом, в круг поставленных задач входят: выявление отношения этих авторов к фигурам великих мистиков и их сочинениям, изучение степени влияния теософов на творчество Бальзака, Местра и Бодлера, сравнительный анализ взглядов писателей относительно центральных понятий мистических доктрин и, наконец, выявление специфических черт их мистицизма. Взяв за основу компаративистский метод, будем сопоставлять «мистическое» творчество Бальзака, которое уже исследовалось в наших недавних работах¹ и которому полностью посвящен один из номеров журнала, носящего имя великого романиста [L'Année balzacienne 2013], с теософскими воззрениями двух других авторов.

Из трех французских писателей Жозеф де Местр – фигура наименее известная отечественным литературоведам: франкоязычный автор, владеющий блестящим стилем, религиозный и политический мыслитель, Местр провел около пятнадцати лет своей жизни при дворе российского императора Александра I в качестве посла королевства Сардинии². Необычная судьба, высокое положение философа в Петербурге впоследствии вызывали зависть Оноре де Бальзака, также мечтавшего о блистательной карьере придворного советника. В России графом де Местром были написаны главные произведения, которые он оценивал как работы в области метафизики, и среди них самое крупное религиозно-философское сочинение – «Санкт-Петербургские вечера, или Беседы о верховной власти Провидения» (1821).

Истоки христианского провиденциализма Местра уходят в глубь тайных знаний масонских лож. «Проклятый поэт» и «один из величайших авторов, когда-либо писавших по-французски», – согласно авторитетному суждению современного французского литератора и публициста Филиппа Соллерса³ (род. в 1936), – в молодости был франкмасоном, что позволило ему досконально узнать изнанку истории религий внутри христианства. Титул «Великого Исповедника» (Grand Profès) [Виат 1998: 613], закрепленный за писателем, доказывает, что он принадлежал к вершине масонской иерархии, являясь одним из тайных высших руководителей мастерских. Его эрудиция в области мистицизма является обратной, тайной стороной его католической ортодоксальности, и в этой, на общепринятый взгляд, несовместимости заключен удивительный пара-

докс местровских религиозных исканий, столь притягательный для исследователей его творчества. Местр мечтал использовать знания тайных обществ с целью воссоединения церкви и найти в масонских ложах ключ к истинному христианству. «Орлом мысли» назвал Местра Бальзак в своем романе «Утраченные иллюзии» [Бальзак VIII, 1960: 324]. Обоих писателей объединяет то, что своим творчеством они провозглашали борьбу за религиозно оправданную науку, кроме того, им в равной степени была близка идея обновления религии.

И Бальзака, и Местра одинаково интересовали опыты алхимиков эпохи Возрождения, мистические сочинения Якоба Бёме (1575–1624), Мадам Гюйон (1648–1717) и Эмануэля Сведенборга (1688–1772). Что касается мистика Луи-Клода де Сен-Мартена (1743–1803), «Неведомого философа», уроженца родной Бальзаку Турени, то он был современником автора «Санкт-Петербургских вечеров». Сен-Мартен первым перевел труды Бёме с немецкого на французский, а последующие годы жизни посвятил написанию своих основных работ и переводам сочинений немецкого мистика. Местр, безусловно, испытывал глубокий интерес к творчеству самого знаменитого из французских теософов, его первые отзывы о Сен-Мартене граничили с восторгом, но, тем не менее, масоном он стал еще до выхода в свет сен-мартеновского сочинения «Заблуждения и истины» (1785). Они встречались в 1787 г. в Шамбери, когда «Неведомый философ» ехал через Савойю в Италию: «савойский мыслитель» оставил об этой встрече интересные воспоминания, свидетельствующие о симпатии к нему со стороны Сен-Мартена.

В письме к сестре граф де Местр пылко превозносит «Человека желания», называет книгу Сен-Мартена «истинным шедевром изящества» [Виат 1998: 619], а позднее Граф, один из героев-собеседников из «Санкт-Петербургских вечеров», заимствует выражение «человек желания», чтобы применить его по отношению к Фенелону [Maistre 2007: 604]. В 1793 г. в дни, когда французские войска осуществили вторжение в его родную Савойю, Местр, сохраняя хладнокровие, предавался чтению «Нового человека» Сен-Мартена, а впоследствии собственноручно переписывал три работы амбуазского теософа. Реминисценции из «Неведомого философа» постоянно приходят ему на ум, а иногда он цитирует удачные выражения Сен-Мартена, как например: «Молитва – дыхание души» [ibid.: 558]. Пережив духовную эволюцию в 1810 г., Местр в «Санкт-Петербургских вечерах» вновь возвращается к мартинизму.

В 1822 г., уже после смерти «савойского мыслителя», в одной брошюре теософского толка было замечено со ссылкой на собственное признание Жозефа де Местра, что «разрешение всех важных вопросов, трактуемых в “Санкт-Петербургских вечерах”, заимствовано из сочинений и теорий Сен-Мартена» [Виат 1998: 609]. Что касается Бальзака, отец и дед которого также были франкмасонами, то французский писатель лично признался в первой версии «Предисловия к “Мистической книге”» (1835), что грандиозная сцена Вознесения в его романе «Серафита», а также возвращение на землю героев Вильфрида и Минны заимствованы им из сен-мартеновского трактата «Человек желания» [Balzac 1980: 1449]. Таким образом, очевидно, что великий романист не только отдавал дань уважения «Неведомому философу», но и активно задействовал в своих трудах темы и мотивы Сен-Мартена.

Известно также, что Бальзак читал Одиннадцатую беседу «Санкт-Петербургских вечеров» Местра, посвященную иллюминизму, где Сен-Мартен охарактеризован как «самый образованный, рассудительный и изящный из современных теософов» [Maistre 2007: 771].

Если в сочинении Жозефа де Местра встречаются реминисценции и цитаты из трактатов теософа, то в случае Бальзака можно говорить о «поглощении» им терминов и идей Сен-Мартена. Во введении к изданию бальзаковского «Трактата о молитве» французский исследователь Филипп Берто писал, что когда «последовательно читаешь “Луи Ламбера”, “Серафиту”, “Человека желания” и “Служение Человека-Духа” (*Le Ministère de l'Homme-Esprit*), можно констатировать, что словарь терминов Сен-Мартена глубоко проник в сознание и стиль Бальзака» [Bertault 1942: 49]. Берто приводит несколько ключевых понятий мистика из Турени, задействованных автором «Трактата о молитве»: *pâtiments* – страдания, *Réparateur* – преобразователь, *Parole vraie* – истинное Слово, *hiéroglyphes* – священные знаки, *prière active* – действенная молитва. Однако автор «Мистической книги» часто использует сен-мартеновские термины и понятия по-своему: «Он придает этим словам иное или противоположное значение», – пишет в своей статье «Бальзак и Сен-Мартен» Робер Амаду [Amadou 1965: 38].

Как уже отмечалось ранее, Бальзака и Жозефа де Местра объединяло желание обновить религию; в предисловии к своему «Трактату о молитве» Бальзак писал: «Мы верим, что наша доктрина о молитве будет оценена, поскольку она необходима нашему веку. В обновленные, закалившиеся души должен быть вложен новый религиозный принцип» [Bertault 1942: 19]. Оба писателя верили, что возможности человека огромны и

«высший, истинный род его духовной деятельности заключается в молитве, посредством которой человек вступает в соприкосновение с Богом...» [Maistre 2007: 592]. На страницах «Санкт-Петербургских вечеров» Местр бесконечное число раз воспекает силу молитвы, утверждая, что «если нет молитвы, то нет и религии» [ibid.: 558]. От лица своего героя Графа он утверждает, что «молитва не только полезна для устранения физического зла, но и является для него истинным противоядием, особым лечебным средством, которое по природе устроено так, что стремится уничтожить зло...» [Maistre 2007: 582].

Об интересах Сен-Мартена известно из его переписки: он был увлечен спиритуализмом, магнетическим лечением, магическими эвокациями (окультными обрядами вызывания духов) и произведениями Сведенборга. Подобные склонности были также у Бальзака, тем не менее в «Предисловии к “Мистической книге”» ее автор признается, что ставит Сведенборга выше Сен-Мартена и Бёме. Очевидно, что Бальзак не мог найти глубоких точек соприкосновения с теософами, которые отвергали научное знание и хотели объяснить сущность человека, избежав разговора о материи. В итоге в основу всех трех произведений «Мистической книги» легло теологическое учение мистического характера скандинавского пророка Эмануэля Сведенборга, которого Бальзак называл «христианским Буддой» и сравнивал с Иоанном Богословом, Пифагором и Моисеем [Balzac 1835: IX].

Фигура Сведенборга привлекла французского писателя в первую очередь потому, что шведский теософ был ученым, который владел абстрактным мышлением и точными научными методами. Откровения, высказанные мистиками в туманной форме, в его уме кристаллизовались в четкую систему. На протяжении всей жизни для Сведенборга было характерно стремление соединить науку и религию. И в конце концов мистический взгляд Сведенборга, согласованный с системой, которую провозгласил и обосновал французский зоолог-эволюционист Жоффруа Сент-Илер (1772–1844), совпал, по словам Бальзака, с его собственными представлениями о единстве мира и о Божьем могуществе [Бальзак I, 1960: 22].

На страницах своего объемного теософского труда «Тайны небесные» (1749–1756) (*Arcana Coelestia*) Сведенборг изложил теорию соответствий. Ее суть сводится к тому, что всякая земная вещь связана с небом и имеет символическое значение, однако понять его могут только ангельские духи, для которых ничтожнейший цветок являет собою мысль и жизнь, соответствующую некоему элементу великого целого. Идея соответствий восходит в Европе еще к Платону,

ее разделял и Сен-Мартен, однако концепция соответствий, свойственная французскому философу, отличает его от Сведенборга. Бальзак же, напротив, в романе «Серафита» поэтизировал именно сведенборгианский вариант теории соответствий, сделав главным героем своего произведения Ангела.

Всеведущий Ангел – андрогинное существо, по авторскому замыслу, открывает истину о том, что невидимый духовный мир и видимый физический мир составляет одна и та же материя, которая может преобразовываться, но никогда не исчезает. Духовный мир состоит из бесконечных связей, порожденных конечным материальным миром, однако человек не в силах охватить эти связи и узреть отдаленную цель, в которой они находят свое выражение. В этом они сравнимы с числами, которые неизвестно, откуда берут начало и где заканчиваются. Бесконечность чисел существует и не доказывается, однако и время, и пространство определяются лишь числами. Бог – это Число, обладающее движением, оно ощущает себя и не требует доказательств. Движение и Число порождены Божественным Словом. Данный тезис основан на том, что даже слабое человеческое слово способствует появлению обществ, памятников, действий, страстей. Лишь Бог может распорядиться бесконечностью во всем объеме, человек не в состоянии этого сделать, иначе он был бы Богом. Природа идентична, подобно числу, в своих бесконечных принципах, но она никогда не бывает такой в своих конечных следствиях. Бог не создавал ни растений, ни животных, ни звезд. В основе всего лежит одна и та же субстанция и движение, но все определяется непрерывностью отношений.

Автор «Мистической книги» не единственный, чье внимание привлекли «символы» и «соответствия»: среди наиболее известных стихотворений Шарля Бодлера, собранных в книге «Цветы зла», принято называть сонет «Соответствия» (*Correspondances*), со временем ставший для французских символистов отправной точкой теории и поэтической практики. Автор «Цветов зла» разделяет идеи Сведенборга о том, что все в природном мире – форма, движение, количество, цвет, запах – значимо в сфере духовного, все соответствует всему и перетекает одно в другое. В письме французскому мыслителю, натуралисту и фурьеристу Альфонсу Туссенелю (1803–1885) от 21 января 1856 г. Бодлер вновь затрагивает тему «соответствий» и рассуждает в том же ключе, что и «визионер» Бальзак в «Луи Ламбере»: «...лишь разум и воображение поэта, гения как независимо мыслящего существа, способны воспринять всеобщую аналогию, или то, что мистическая религия называет соответствием» [Бодлер

2012: 85]. Идеи Сведенборга дают автору «Цветов зла» основу для построения собственной теории «универсальных аналогий», и «хотя бодлеровские “соответствия” выстраиваются, подобно сведенборгианским, по ассоциативному принципу, они при этом не столь жестко эмблематически закреплены, в их вариативности доминирует индивидуальное, личностное начало» [Соколова 2015: 62].

Назвав среди самых красивых и возвышенных романтических пейзажей «фьорд Серафитуса»⁴, Бодлер стал одним из немногих, кто полностью понял замысел бальзаковской «Серафиты» и идею андрогинного существа, которая трактуется в ключе теософии Сведенборга. Мистическая концепция андрогина как совершенного человека импонирует автору «Цветов зла» более любой другой, поэтому он и восхищается «великим духом» и «ясновидением» Бальзака, который воплотил в своем персонаже идеи Сведенборга, Месмера и Сент-Илера. «Я много раз удивлялся тому, что великая слава Бальзака приписывается его дару наблюдателя, – писал Бодлер, – мне же всегда казалось, что его главная заслуга в том, что он был мистиком, страстным мистиком» [Baudelaire 1962: 678].

Мысль Бодлера взаимодействует также во многих планах восприятия с мыслью другого «ясновидца» – Жозефа де Местра. Хорошо известна знаменитая фраза из «Дневников» поэта, где он признается, что «рассуждать меня научили де Местр и Эдгар По» [Бодлер 1997: 423]. В письме Туссенелю поэт называет Местра «величайшим гением нашего времени» и не раз привлекает его имя в своих сочинениях, например, в наброске к понятию «универсальной религии» («Мое обнаженное сердце», 1862–1864). Согласно выражению исследователя местровского творчества Пьера Глода, идеи автора «Санкт-Петербургских вечеров» постоянно звучат в сознании Бодлера «приглушенным эхом» [Фокин 2011: 126].

Как наследнику эстетических принципов «савойского мыслителя» Бодлеру свойственны вспышки пламенного воображения, метафизические прозрения и иронические предчувствия опустошительных иллюзий современности. Чтобы понять некоторые идеи бодлеровской философии, необходимо вначале обратиться к «Санкт-Петербургским вечерам»: говоря о фейерверке, пламени Революции, которую он не переживал, как граф де Местр, но которая в его сознании является аналогией Поэзии, автор «Цветов зла» словно переводит слова Местра на другой язык, более поэтический или патетический. Восприятие мира как «леса символов» в сонете «Соответствия», несмотря на отсылку к Сведенборгу, в первую очередь воскрешает в памяти Десятую беседу

местровского сочинения и рассуждения его героев о том, что «все существующее в нашем мире имеет отношение к миру незримому» [Maistre 2007: 736].

Мысль Местра нашла продолжение в поэтической мысли автора «Цветов зла», противоборствующей и неистойой, о чем свидетельствуют интонации особенно «позднего» Бодлера. Однако сама мысль Местра не менее поэтична, поскольку ее развитие связано с метафорой. Она зиждется на аналогии между видимым и духовным миром, поэтому события Истории и рассматриваются «савойским мыслителем» как аллегорические знаки, начертанные Провидением. По мнению автора монографии «Бодлер и традиция аллегории» Патрика Лабарта, для Местра, как и для Бодлера, очевидно, что виной всему происходящему в земном мире нужно считать первородный грех, давший толчок неотступной мысли, которая терзает сознание и заставляет постоянно вспоминать о боли. Понятие первородного греха теологически объясняет как постыдное клеймо разделения и изгнания, так и одержимый поиск единства. Бодлер говорит об отождествлении свободы и судьбы (когда свобода наций и отдельных людей соединится с замыслом Провидения), что случится лишь благодаря возврату к утраченному Единству, а способствовать этому должен «истинный прогресс», т. е. уменьшение следов Вины.

Вина порождает блуждания существа, обремененного угрызениями совести, однако, в представлениях Местра, вина может считаться и божественным орудием, бичом, который исцеляет своим ударом. Боль становится одновременно испытанием и искуплением, а злой человек – самобичевателем, – об этом свидетельствует и стихотворение Бодлера «L'Héautontimorouménos» (в переводе с греческого «сам себя карающий»). Внушающий ужас палач, расчлняя тело, возвращает Единство, а война, названная де Местром божественной, обращает кровопролитие в отпущение грехов, поэтому мученикам необходимо стать священной жертвой, обретя смирение и согласившись с вечным Разумом, что самопожертвование наделено силой очищения. Благодаря боли свершается «великое таинство вселенной» – обратимость.

Стихотворение Бодлера «Обратимость» (*Réversibilité*), которое в русском варианте также интерпретируют как «Искупление», обязано местровской теории об обратимости страданий, являющейся краеугольным камнем его теософии. Догмат, который привлек внимание поэта, объясняет смысл страданий, возложенных на невинных, и дает ответ, как мир живых, разделенный первородным грехом, может окончательно при-

мириться через жертву путем перевоплощения зла в добро. В толковании автора «Санкт-Петербургских вечеров» теория обратимости невинности и порока – одна из самых великих врожденных истин: она же в созвездии его идей, взаимодействующих и сливающихся, является «настоящим средоточием местровского провиденциализма» [Maistre 2007: 413].

Логика «савойского мыслителя», которую подхватывает Бодлер, признаваясь, что рассуждать его научил Местр, парадоксальная и исполненная тождества противоположностей, черпает силы в древней риторике, способствующей тому, согласно П. Лабарту, чтобы в местровском сознании рождались картины одержимой земли, которая кричит и требует крови, «словно для того, чтобы, пропитавшись ей, истребить все зло» [Labarthe 2015: 344].

Вспоминая об опьянении в 1848 г. («Мое обнаженное сердце»), Бодлер перенимает местровскую интонацию и провозглашает «естественную радость разрушения». Разрушение касается и его личной жизни, в которой «искупление играет огромную роль», о чем он признается матери в письме от 8 декабря 1848 г. По Местру, падение ножа гильотины свидетельствует о невиновности, Бодлер же постоянно напоминает, что страдание духовно возрождает: «Идите через горнило испытаний, они всякому идут на пользу» [Бодлер 2012: 267], – пишет он Мадам Поль Мёрис 24 мая 1865 г. Поэт страдает и тоскует в Брюсселе, но все равно там останется, пока не исчезнут «причины покаяния».

Как уже было сказано выше, теософское видение Жозефа де Местра способствует особому восприятию событий Истории. Согласно «савойскому мыслителю», множество видимых знаков, посланных Провидением, которое «никогда не действует вслепую», нужно уметь читать. Отвергая аналитический, раскладывающий на части рационализм Ф. Бэкона, Местр поддерживает идею апостола Павла о том, что «этот мир есть совокупность невидимых вещей, явленных взору» [Maistre 2007: 736]. Подобное восприятие требует расшифровки, толкования, о котором напоминает бодлеровское определение поэта: «...что такое поэт, – спрашивает он в статье о Викторе Гюго, – я беру слово в самом широком значении, если не толкователь, дешифровщик? У превосходных поэтов нет ни одной метафоры, сравнения или эпитета, которые не являлись бы математически точной адаптацией, поскольку все эти сравнения, метафоры и эпитеты заимствованы в неисчерпаемой глубине универсальной аналогии, и они не могут заимствоваться где-либо еще» [Baudelaire 1962: 735]. Бодлер отдает дань воображению как самому научному из

свойств, способному черпать в неисчерпаемой глубине универсальной аналогии и благодаря метафоре подбирать ключи, которые открывают царство Единого, находящееся по ту сторону разделения. Очевиден неоплатонический след этой теории, которая созвучна идее Местра, связанной с мотивом Числа; то, что слово должно быть математически связано с числом, автор «Санкт-Петербургских вечеров» утверждает в Восьмой беседе: «...Бог даровал нам число, и именно числом обнаружил он нам свое существование, точно так же и человек посредством числа свидетельствует о себе ближнему. Уничтожьте число – и вы лишитесь искусств, наук, языка, а значит, и разума...» [Maistre 2007: 694].

В работе «Платонизм Бодлера» Марк Эгелдингер отмечает, что христианизм Местра, наделенного даром ясновидения, освещен «пламенем аналогии», которое помогает преодолеть путь от земного к божественному [Labarthe 2015: 356]. Число, являясь своего рода обещанием возврата к утраченному Единству, словно кодирует «точное соотношение» видимого символа и его значения, которое лишь поэт-пророк посредством метафоры или образного выражения способен установить между внешним обликом вещи и ее обликом духовным. Бодлер в продолжение местровской теории аналогий обдумывает идею абсолютной точности языка, о чем свидетельствует пассаж в статье о Теофиле Готье, посвященный лексическому или метафорическому соответствию: «...Невыразимого не существует» [Vaude-laire 1962: 677]; речь идет не просто о том, чтобы выбрать в языковом словаре наиболее точное слово, а о том, чтобы почерпнуть соответствующую метафору в неиссякаемом пространстве универсальной аналогии.

В свою очередь Местр в соответствии с идеей аналогии продолжает искать ответ на вопрос, сможет ли этот раздробленный мир, включая его части, пораженные безрассудством и жестокостью, слиться с Единым без остатка? В Третьей беседе боль за человечество, «раздробленное» Провидением, представлена как восхождение «к великому Единству, которое мы должны приветствовать издалека». В отличие от Бальзака, Местр в своей теософии отводит материи исключительно пассивную роль; она «сама по себе ни к чему не способна, и в сущности она есть не что иное, как доказательство существования духа» [Maistre 2007: 580]. Восприятие материи лишь как священного знака всесильного духа объясняет значение молитвы – божественного инструмента, способного пробудить материю и помешать физическому злу.

«Служение» поэта или «пророка», сообразно терминам Местра, подразумевает способность

выходить за пределы времени. Метод аналогии сжимает временное пространство, упраздняет хронологию и последовательность, а также внутреннее временное разделение. Постигание аналогий – «глубоких и тайных отношений между вещами» – наделяет поэта почти божественной способностью интуитивно воспринимать истинную реальность.

Таким образом, Местр усматривает в аллегории послание фундаментальной мысли, что помогает ему различать в ужасах и насилии образ позитивного будущего. В соответствии с идеей мыслителя, История – это драматический театр, находящийся между потерянным и обретенным раем, или арена, где искупление значит больше невинности, где палач, расчлняя, соединяет и отпускает грехи, где пролитая кровь вознаграждает. Постулат о единстве субстанций приводит Местра к утверждению идеи об «универсальной аналогии», позволяющей каждому земному событию «соответствовать» божественным законам. Именно поэтому местровский «пророк» никогда не перестанет расшифровывать священные знаки человеческой истории с помощью аналогии и молитвы. В равной степени аллегорическое толкование является призыванием бодлеровского поэта. Христианский провиденциализм Местра заставляет автора «Цветов зла» сопереживать космической и личной драме, разворачивающейся под крики и стоны земных существ, которые, тем не менее, однажды сольются с общим гулом задуманного Богом мироздания, чтобы раствориться в Едином без остатка.

В данной работе мы затронули важнейший аспект творчества трех авторов, связанных теорией «универсальных аналогий», без которой невозможно было бы полное понимание их художественного наследия, и одновременно выявили склонности каждого из них по отношению к мистикам и мистицизму. Бальзак, и еще в большей степени Бодлер, избегали слишком откровенных признаний в интересе к мистической философии, тогда как «савойский мыслитель», называя себя ортодоксальным католиком, до самой смерти оставался адептом учения Сен-Мартена. В отличие от Бальзака, поэт «Цветов зла» не доверял магнетизерам и не любил спиритических сеансов, но при этом испытывал пристрастие к Сведенборгу, которого упоминает в своих прозаических сочинениях, например, в поэме «Добрые собаки». Писатели, чьи произведения представляют собой своеобразную энциклопедию XIX в., каждый по-своему были очарованы «алхимиком мысли» Местром. Благодаря христианскому провиденциализму Местра Бодлер опосредованно «впитал» теософию Сен-Мартена. Для Бодлера, парии в пантеоне поэтов,

как и для Жозефа де Местра, свойственно одухотворение, даже сакрализация Зла, через которое приходит Очищение. Бодлер, разделивший принцип искупления, который вдохновил его на трепетные строки стихотворения «Обратимость»: «Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?», придал теологическому догмату о великом отпущении грехов свое неповторимое поэтическое звучание.

Примечания

¹ См.: Решетняк Н. В. Мистицизм и оккультные науки в произведениях Оноре де Бальзака // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2007. № 3. С. 95–102; Решетняк Н. В. Неизвестный Бальзак – последователь мистического учения Сен-Мартена // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 2–1. С. 12–18.

² Отметим здесь публикацию материалов российско-французской конференции «Актуальность Жозефа де Местра», организованной С. Н. Зенкиным в РГГУ (19–20 июня 2009 г., Москва), явившуюся наглядным подтверждением необходимости и своевременности обращения к творчеству савойского графа.

³ URL: www.philippesollers.net/maistre_entretien.html.

⁴ Салон 1859 года. VIII. Пейзаж.

Список литературы

Бальзак О. де. Предисловие к «Человеческой комедии» // Собрание сочинений: в 24 т. М., 1960. Т. I. 484 с.

Бальзак О. де. Утраченные иллюзии // Собр. соч.: в 24 т. М., 1960. Т. VIII. 439 с.

Бодлер Ш. Цветы зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе, дневники. Статьи об искусстве. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 960 с.

Бодлер Ш. Избранные письма. СПб.: Machina, 2012. 366 с.

Виат О. Граф Жозеф де Местр // Санкт-Петербургские вечера. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. 732 с.

Сведенборг Э. Избранное. М: Изд-во «Астрель», 2003. 880 с.

Соколова Т. В. Грани творческой жизни: Очерки о Шарле Бодлере. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. 288 с.

Фокин С. Л. Пассажи. Этюды о Бодлере. СПб.: Machina, 2011. 224 с.

Amadou R. Balzac et Saint-Martin // L'Année balzacienne. 1965. P. 35–60.

Balzac H. de. Préface // Livre Mystique. I. 1-éd. Paris: Werdet, 1835. 352 p.

Balzac H. de. Préface du Livre mystique. La Comédie Humaine. Paris: Gallimard, 1980. T. XI. 1952 p.

Baudelaire Ch. Curiosités esthétiques. L'Art romantique. Paris: Garnier Frères, 1962. 956 p.

Bertault Ph. Introduction // Traité de la Prière. Paris: Boivin et Cie, 1942. 128 p.

L'Année balzacienne 2013. Balzac, mystique, religion et philosophie. Troisième série, 14. Presses Universitaires de France, 2013. 480 p.

Labarthe P. Baudelaire et la tradition de l'allégorie. Genève: Droz, 2015. 920 p.

Maistre J. de. Les soirées de Saint-Petersbourg // Maistre J. de. Oeuvres / ed. de P. Glaudes. Paris: Robert Laffont, 2007. 1362 p.

References

Balzac H. de. Predislovie k 'Chelovecheskoy komedii' [The Preface to the 'The Human Comedy']. *Sobr. sochineniy: v 24 t.* [The collection of works in 24 vols]. Moscow, 1960, vol. 1. 484 p. (In Russ.)

Balzac H. de. *Utrachennyye illyuzii* [Lost Illusions]. *Sobranie sochineniy: v 24 t.* [The collection of works in 24 vols]. Moscow, 1960, vol. 8. 439 p. (In Russ.)

Baudelaire Ch. *Tsvety zla. Oblomki. Parizhskiy splin. Iskusstvennyy ray. Esse. Dnevniky. Stat'i ob iskusstve* [The Flowers of Evil. The Wrecks. Paris Spleen. The Artificial Paradises. Essays. Dairies. Writings on Art]. Moscow, Ripol Classic Publishing House, 1997. 960 p. (In Russ.)

Baudelaire Ch. *Izbrannyye pis'ma* [Selected letters]. St. Petersburg, Machina Publ., 2012. 366 p. (In Russ.)

Viatte A. *Graf Zhozef de Mestr* [Count Joseph de Maistre]. *Sankt-Peterburgskie vechera*. [St. Petersburg Dialogues]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 1998. 732 p. (In Russ.)

Swedenborg E. *Izbrannoe* [Selected Writings]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 880 p. (In Russ.)

Sokolova T. V. *Grani tvorcheskoy zhizni: esse o Sharlye Bodlyere* [The facets of creative life: essays about Charles Baudelaire]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2015. 288 p. (In Russ.)

Fokin S. L. *Passazhi. Esse o Bodlyere* [Passages. Essays about Baudelaire]. St. Petersburg, Machina Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)

Amadou R. Balzac et Saint-Martin [Balzac and Saint-Martin]. *L'Année balzacienne*, 1965, pp. 35–60. (In Fr.)

Balzac H. de. Préface [The Preface]. *Livre Mystique* [The Mystical Book]. 1st edition. Paris, Werdet, 1835, vol. 1. 352 p. (In Fr.)

Balzac H. de. *Préface du Livre mystique. La Comédie Humaine* [The Preface to the Mystical Book. The Human Comedy]. Paris, Gallimard, 1980, vol. 11. 1952 p. (In Fr.)

Baudelaire Ch. *Curiosités esthétiques. L'Art romantique* [Esthetic curiosities. The Romantic Art]. Paris, Garnier Frères, 1962. 956 p. (In Fr.)

Bertault Ph. *Introduction. Traité de la Prière* [Introduction. A treatise on prayer]. Paris, Boivin et Cie, 1942. 128 p. (In Fr.)

L'Année balzacienne 2013. Balzac, mystique, religion et philosophie [Balzac, mystic, religion and

philosophy]. Troisième série, 14. Presses Universitaires de France, 2013. 480 p. (In Fr.)

Labarthe P. *Baudelaire et la tradition de l'allégorie* [Baudelaire and the tradition of allegory]. Genève, Droz, 2015. 920 p. (In Fr.)

Maistre. J. de. *Les soirées de Saint-Pétersbourg* [St. Petersburg Dialogues]. *Oeuvres* [Works]. Ed. by P. Glauudes. Paris, Robert Laffont, 2007. 1362 p. (In Fr.)

VARIATIONS OF MYSTICAL IDEAS IN 19th-CENTURY LITERATURE (Honoré de Balzac, Joseph de Maistre, Charles Baudelaire)

Natalia V. Reshetnyak

Associate Professor in the Department of Romano-Germanic Philology and Translation

Saint Petersburg State University of Economics

21, Sadovaya st., St. Petersburg, 191023, Russian Federation. agapital17@mail.ru

SPIN-code: 9713-7746

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7400-6163>

ResearcherID: R-2444-2018

Submitted 28.09.2018

This work deals with an important aspect of the writings of three 19th-century authors – Joseph de Maistre, Honoré de Balzac and Charles Baudelaire. They were followers of the theory of correspondence, or ‘universal analogy’, which suggests that each visible thing is a symbol of the invisible world and each material phenomenon is in correspondence with the Divine laws. The author of this article highlights that it is impossible to reflect on the artistic legacy of these authors – ‘prophets’ and ‘clairvoyants’ – without understanding the mystical idea that is fundamental for their writings. They formed their own bonds with the mystics Louis-Claude de Saint-Martin and Emanuel Swedenborg. Balzac's novels contain numerous reminiscences of Swedenborg's mystical works such as *Arcana Coelestia (Heavenly Mysteries)* and *L'Homme de Désir*, the influence of the ‘unknown philosopher’ Saint-Martin is evident in J. de Maistre's *Les Soirées de Saint-Pétersbourg (Saint Petersburg Dialogues)*, while Charles Baudelaire repeatedly mentions Emanuel Swedenborg in his essays. The author of *Les Fleurs du Mal (The Flowers of Evil)* can also be regarded as a follower of Joseph de Maistre's aesthetics, since Baudelaire's revolutionary pathos contains a tinge of de Maistre's political theosophy, which is based on the concept of Divine Providence that governs the material world. In so far as the concept of the Divine Proportion is concerned, the basic ideas of de Maistre's providentialism are in line with philosophical theses of Balzac, another follower of the theory of correspondence. However, when it comes to the concept of matter, their views differ. According to the author of the *Mystical Book*, both the invisible spiritual world and the visible physical world consist of the same matter, which can transform itself but does not disappear. De Maistre, on the other hand, believed that matter is but a sign of the almighty Spirit. During their lifetime, the writers avoided owning that they were fascinated by mystical philosophy. However, their writings have proved that their knowledge of mysticism was indeed profound. By virtue of their powerful imagination, they were able to use the metaphor and convey their idea of the fundamental nature of the Divine idea. Each of them yearned to renovate the Christian religion and was looking for the possible ways of regaining the lost Unity, the poet's role being that of a clairvoyant and an interpreter of the sacred signs.

Key words: Providence; theory of correspondence; mysticism; universal analogy; allegorical signs; theory of Number; dogma of reversibility.